

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Т. Г. Боричевская

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ В ПРОИЗВЕДЕНИИ БЕТТИНЫ Ф. АРНИМ «ПЕРЕПИСКА ГЁТЕ С РЕБЕНКОМ»

Элизабет Катарина Людовика Магдалена Brentano вошла в историю немецкой литературы как Беттина фон Арним (1785–1859). Ее творческий путь с самого начала определяли происхождение, обширные родственные связи и умение создавать и поддерживать связи дружеские. Внучка первой профессиональной немецкой писательницы Софии фон Ларош (1731–1807), сестра поэта Клеменса Brentano (1778–1842) и жена его соавтора Ахима фон Арнима (1781–1831), она стала не только одной из немногих писательниц первой половины XIX в., чье творчество удостоилось внимания широкой публики, но и – вслед за братом и супругом – одной из основных представительниц романтического направления в литературе Германии. В полной мере ее талант проявился уже после смерти мужа, когда она не только издала собрание его сочинений, но и выпустила собственные (переписку с Каролиной фон Гюндероде, Клеменсом Brentano, Филиппом фон Натузиусом, критические труды «Эта книга принадлежит королю» и «Разговоры с демонами» и другие).

Юная Беттина росла в семье, где дарованиям девочек из поколения в поколение уделялось много внимания, и увлечение «князем поэтов» Иоганном Вольфгангом фон Гёте (1749–1832) она, можно сказать, тоже получила в наследство. Ведь это черные глаза ее матери, прекрасной Максимилианы фон Ларош (в замужестве Brentano), вдохновили Гёте, когда он описывал главную героиню своего знаменитого романа «Страдания молодого Вертера» (1773). Беттина с детства слышала рассказы о друге и поклоннике матери, потом начала зачитываться его сочинениями и в 1807 была, наконец, представлена своему кумиру в качестве внучки госпожи Ларош, чей салон Гёте посещал еще будучи подающим надежды литератором.

Годом ранее Беттина постаралась заручиться дружбой матери поэта, однако Гёте не спешил реагировать на передаваемые ему заверения в платонической любви и только после личной встречи начал отвечать на письма своей восторженной поклонницы. Продлилась их переписка до 1811 года, когда после публичной ссоры Беттины с женой поэта тот разорвал с госпожой фон Арним всяческие отношения. А в 1835, через три года после смерти великого адресата, Беттина выпустила книгу под названием «Переписка Гёте с ребенком» («Goethes Briefwechsel mit einem Kinde. Seinem Denkmal»), ставшую европейским бестселлером и во многом определившую восприятие личности классика в последующие десятилетия.

В отличие от читателей, критики встретили это произведение довольно негативно. Так, представитель раннего (йенского) романтизма Людвиг Тик писал: «Вы не можете знать так же, как я, что эта роковая книга – одна большая ложь» (Henscheid, Eckhard und F.W. Bernstein, 1999, перевод наш, Т.Б.), а драматург Кристиан Дитрих Граббе утверждал: «Беттина, но и хорошие люди станут злыми, прочитав отвратительные вещи» (там же). Книга была выборочно переведена на русский и получила следующий отзыв: «Часто девушки лет семнадцати влюбились в восьмидесятилетнего старика. Одна из них, более других восторженная и гордая, презрела даже то приличие, которое повелевает женщине "любить и молчать", которое, быть может, весьма основательно советует ей делать заветную тайну из лучших ощущений своего сердца; и, едва Гёте умер, напечатала свою любовную с ним переписку. Мы говорим о Беттине Brentano. <...> Она добрая, честная девушка, и это составляет истинную прелесть ее книги. Гёте со своей важностью и точностью, со своими придворными приёмами, со своей германской *Vornehmtheit** (*благородство), кажется почти жалким подле этой пылкой, мечтательной девушки, которой письма пламенеют прометеевым огнем поэзии, не слишком заметным в собственных его сочинениях» (Из Библиотеки для чтения, 1837).

Однако была ли их переписка любовной в том смысле, в котором это понимали современники? Ведь даже мать поэта увещевала когда-то свою протеже: «*В самом деле, дитя мое, ты кругом помешана. Что за вздор забрала ты в голову? Неужели ты думаешь, что для моего сына только и дела при дворе что таскаться по ночам за месячными лучами, да об тебе думать? Экая дуручка! Однажды навсегда говорю тебе, что во всем нужен порядок. Пиши умные письма, в которых было бы что-нибудь такое, а такой ахинеи не посылай больше в Веймар. Пиши, что видела, да потом что слышала; всё по порядку. Порядок-то, душа моя, главное дело. Пиши, как тебе понравился тот, как другой понравился, когда была хорошая погода, когда шел дождь. Главное, чтоб во всем был порядок, а прочее – вздор*» (там же).

Если следовать тексту издания, Беттина (или ее альтер эго, влюбленный ребенок) смиренно принимала поучения старшей подруги и продолжала посылать поэту письма примерно следующего содержания: «*Ты, который знаешь, что я готова положить шею под твои ноги; ты, который знаешь, что значит любовь, о как все прекрасно в тебе! Бурно стремятся потоки жизни сквозь воспламененное сердце, и уходят в холодные волны лет твоих, пенясь в своем стремлении, так, что горы и долины дымятся радужными брызгами жизни, и леса, покрытые кистями цветов, гремят радостным эхом вдоль берегов потоков!*» (там же).

Гёте отвечал своей поклоннице куда более сдержанно, благодарил за подарки, передавал приветы своей матушке и сохранял на протяжении всего общения, скорее, отечески-благожелательный тон: «*Sollte Dein Vagabondenleben noch länger dauern, so versäume nicht von allem Nachricht zu*

geben; ich folge Dir gerne, wo Dich auch Dein dämonischer Geist hinführt. Ich lege diese Blätter an die Mutter bei, die Dir sie zu freundlicher Stunde senden mag, da ich Deine Adresse nicht genau weiß» (Беттина фон Арним, 1835: «Если твоя бродячая жизнь продлится дольше, обязательно сообщай обо всем, что случится; я рад следовать за тобой, куда бы ни привел тебя твой демонический дух. Я прилагаю эти листы к письму матери, которая любезно перешлет их тебе, потому что я не знаю твоего точного адреса». – Перевод наш. Т.Б.).

И все же, несмотря на такие «сухие, и крепко сенаторские, письма» (Гёте. Избранная переписка с Беттиной Brentano и И.-Г. Мерком, 1837), ни критики, ни читатели долгое время не подвергали сомнению ни интимный характер, ни аутентичность приведенных автором материалов. Этому способствовали как жанровые особенности «Переписки», так и репутация писательницы, известной своей эксцентричностью и дружбой (или, по крайней мере, знакомством) со многими выдающимися представителями богемы, литературного сообщества, политиками и философами (в их число входили братья Гримм, Фридрих Шлейермахер, Карл Маркс и даже Людвиг ван Бетховен).

Откровения Беттины фон Арним очень долго воспринимались как «два небольших тома, самые странные, и быть может самые занимательные, какие только были напечатаны со времени изобретения типографского искусства» (Гёте. Избранная переписка с Беттиной Brentano и И.-Г. Мерком, 1837). Однако спустя почти столетие выяснились новые, еще более занимательные характеристики данного труда. Как пишет исследователь В.Д. Соколов, «"Переписка Гете с ребенком" произвела фурор дважды. В первый раз, когда появилась на свет, в 1835 году. Немцев шокировало, вот такое без стеснения пережевывание своих интимных переживаний. <...> Второй раз книга произвела фурор, но меньшего масштаба и только среди литературоведческой братии в 1922 году, когда Вальдемар Эйке, готовя научное издание, сравнил текст "Переписки" с реальными письмами. Используя оригинальные письма, Беттина при издании своей книги меняла их последовательность, редактировала не только свои собственные, но и письма Гете. А когда этого требовали интересы композиции даже не постеснялась сочинить новые. <...> То есть автор проделала типичную литературную работу. Сырой материал жизни она превратила в художественное произведение» (В. Д. Соколов, 2020).

Говоря современным языком, Беттина фон Арним смело использовала в своем творчестве элементы автофикшн, где фактология приносится в жертву романтизации действительности и эмоциональным аспектам ее восприятия, а «степень творческой переработки реальных фактов куда выше, чем в автобиографических и мемуарных текстах» (К. Крушинская, 2023). Многие литературоведы называют ее эпистолярный труд фальсификацией, но писательница действительно лично знала классика немецкой литературы и

его близких, несколько лет переписывалась с ним, а после разрыва их пусть и не любовных, но довольно близких отношений посылала письма, оставшиеся без ответа, но внесенные самим Гёте в его личный архив.

Так или иначе, созданные ей образы великого поэта и его юной почитательницы показали интересным множеству читателей, и «можно смеяться над этим, и многие смеются, но то верно, что только людям необыкновенным даются такие приключения, и это закон человеческой природы» (из Библиотеки для чтения, 1837).